

В. Я. БРЮСОВ

Данте — путешественник по загробью

«Герой» «Божественной Комедии» — сам Данте. Однако в несчетных книгах, написанных об этой эпопее Средневековья, именно о ее главном герое обычно и не говорится. То есть о Данте Алигьери сказано очень много, но — как об авторе, как о поэте, о политическом деятеле, о человеке, жившем там-то и тогда-то, а не как о герое поэмы. Между тем в «Божественной Комедии» Данте — то же, что Ахилл в «Илиаде», что Эней в «Энеиде», что Вертер в «Страданиях», что Евгений в «Онегине», что «я» в «Подростке». Есть ли в Ахилле Гомер, мы не знаем; в Энее явно проступает и сам Вергилий; Вертер — часть Гете, как Евгений Онегин — часть Пушкина; а «подросток», хотя в повести он — «я» (как в «Божественной Комедии» Данте тоже «я»), — лишь в малой степени Достоевский. Если мы изучаем героя «Подростка», не довольствуясь биографией и характеристикой Ф. М. Достоевского, если мы не смешиваем Евгения с Пушкиным и Вертера с Гете, почему мы пренебрегаем героем «Комедии»?

Всматриваясь, видишь, как Данте определенно разграничивает себя как историческое лицо, как поэта от того Данте, который совершает путешествие по загробью, руководимый Вергилием, Беатриче и св. Бернаром. Герой «Комедии» не тождествен с Данте Алигьери. У этого героя своя «душа», своя личность, свое мирозерцание: он в поэме охарактеризован, как характеризуют своих героев Шекспир или Лев Толстой. Не будь такой характеристики, вся поэма утратила бы смысл; она превратилась бы в чистую аллгорию. Но Данте — великий художник, он умеет драматизовать действие, и трагическое впечатление от его поэмы в значитель-

ной мере основано на том, что читатель невольно (если угодно, «бессознательно») увлечен ее героем: читатель этому герою сочувствует, испытывает по отношению к нему, говоря терминами Аристотеля, «страх и сострадание», которые ведут к «катарсису». «Комедия» Данте — подлинная «трагедия», заканчивающаяся если не смертью героя (почему автор и назвал ее «комедией»), то его исчезновением в предельном, сверхземном величии.

Надо помнить, читая поэму Данте, что ее герой, вступая за своим путеводителем в страшные врата с жуткой надписью «Per me»¹, — еще не знает, чем закончится опасное путешествие. Вергилий говорит только: «Я проведу тебя через извечную область («Per loca eterno») ... ты услышишь стоны отчаянья ... ты увидишь древние страдающие души... тех, кто счастливы во пламени...» и т. д. Герой поэмы из этих слов узнает, что ему предстоит совершить невероятное, чудовищное путешествие, идти туда, где не бывал никто из живых, разве только какие-нибудь Гераклы, Пирифои, Орфеи; что это будет путь через вечный, адский огонь, через область, где властны дьяволы и демоны, через царство Сатаны. Автор, очень предусмотрительно и тонко, не влагает в уста Вергилия никаких ободрений: герой поэмы должен быть для читателя человеком, отважившимся на великий подвиг.

Постараемся представить себе воззрения итальянца XIII века. Для него «ад», «чистилище», «рай» — не пустые слова; «дьяволы» — не условный термин, а нечто, в реальность чего он верит. Несомненно, даже вольнодумцы той эпохи, в глубине сознания, жили предрассудками своего времени. Еще Лютер бросал чернильницу в черта, и больше всего ведьм сжигали в XVII столетии². Для средневекового европейца Сатана был столь же страшен, как для нас чума или иная эпидемия. Герою «Комедии» надо было иметь много твердости, много отваги, чтобы решиться, хотя бы и по зову Вергилия, идти в Ад. Как мог он, этот герой, быть уверенным, что все обойдется благополучно, что адское пламя не опалит, не сожжет, что по дороге не свалишься в адские пропасти, не разобьешься там, во мраке, об острые камни, что дьяволы не тронут, не насадят на свои вилы! Конечно, путеводитель, «вождь», был как бы порукой за безопасность. Но представим себе, что какой-нибудь опытный охотник-индус приглашает вас прогуляться с ним в джунглях и очень твердо заявляет, что за вашу безопасность «ручается». Не явится ли у вас все-таки некоторое сомнение? Ручаться-то он ручается, но что если он ошибется? Будет ли вам

достаточным утешением сознавать, что проводник не сдержал своего слова, когда вас начнет растерзывать тигр?

Таково должно было быть и состояние героя «Комедии», когда он вступал в врата Ада. Он шел в неизвестное. Там на каждом шагу ждали опасности, угрозы, ужас. Страшен должен был быть путь по кругам Ада, с их огнем, пропастями, льдом; но менее ли страшно восхождение по высокой горе Чистилища? или полеты в сферы Рая, по воздуху, без опоры для ног, без определенной надежды вернуться к жизни? Герой «Комедии» — не безличное «я», не только формальный центр, вокруг которого расположены картины, изображаемые поэтом, но живое лицо, в котором черты положительные сочетаются с отрицательными, человек, в котором героическая отвага сменяется недостойным страхом, который то прозорливо угадывает, то мелочно заблуждается, который то покорен высшим велениям, то начинает спорить, противиться им и т. д.

Перечитайте «Комедию». Прочтя слова над вратами Ада (Inf. III, 12), путешественник восклицает: «их смысл мне ужасен» («il senso lor m'è duro»). Когда «мрачная область начинает дрожать, как от землетрясения», когда подымается вихрь с «унылых земель» преисподней, заколебавший вокруг «алые отсветы» (Inf. III, 130), — путешественник охвачен страхом (spavento), холодный пот окропляет его чело, он падает ниц (e caddi). Дойдя до края первой адской бездны (Inf. IV, 7 sqq.), путешественник прямо не решает идти дальше, ему кажется, что и сам его проводник охвачен страхом («se tu paventi...»). У ворот адского города Дита, где тысячи дьяволов угрожающе стали кричать: «Кто это, не умерев, смеет идти через царство мертвых!» (Inf. VIII, 82 sqq.), — путешественник, несмотря на защиту Вергилия, ожидает своей гибели; «я уже не надеялся, — говорит он, — когда-либо возвратиться!» («...io non credetti ritornarci mai»). И Данте еще усиливает этот момент (ibid.). Вергилий вступает в переговоры с дьяволами, но путешественнику не слышно его слов; оказывается, дьяволы не уступают: они не повинуются Вергилию, который как будто не решается даже открыто сознаться, в каком они затруднительном положении (Inf. IX, 7 sqq.), и путешественник совершенно напуган бессвязной речью вождя («paura il suo dir dienne»). От опасности путники спасены здесь вмешательством ангела. Несмотря на это, и на дальнейшем пути герой поэмы не раз поддается чувству страха, ужаса (Inf. X, 128; XII, 1–3; XV, 24; XVI, 50; и др.). Вообще сочтено, что слово

paura (страх) повторено в «Комедии» 30 раз*, но кроме того, в ней употреблены еще слова *spravento* (ужас), *spraventare* (ужасаться), *terribile* (ужасающий), *timido* (боязливый) и т. д.

Данте не упускает случая указать, что для путешественника встречались и самые реальные опасности. Не только страшные зрелища наводили на него ужас, но малейшая неосторожность могла ему стоить дорого. Так, напр., ему хотелось бы обнять храбрых воинов-флорентийцев, Гвидо Гверру, Альдобранди и Рустикуччи (Inf. XVI, 47 sqq.), но он видит, что, приблизившись к ним, он сгорит или, по меньшей мере, будет жестоко обожжен окружающим их пламенем («*mi sarei bruciato e cotto*»). Когда приходится путникам перелетать через бездну на спине крылатого чудовища Гериона, так как там нет иных лестниц (Inf. XVII), — сам Вергилий предупреждает быть осторожным, так как острый хвост Гериона может ранить; причем путешественник, как ни стыдно ему проявлять страх, все же дрожит невольно всем телом; потом начинается полет над пропастью, и Вергилий должен поддерживать своего трепещущего (*timido*) спутника, чтобы тот не упал прямо в огонь (*ibid.*, XVI, 85–86, 121 alq.). В седьмом кругу угрожает такое множество ядовитых змей, что у рассказчика и при воспоминании «стынет кровь» («*il sangue ancor mi scira*», Inf. XXIV, 84); в восьмом — нагнувшись над пропастью, чтобы рассмотреть странное зрелище,

* Комментаторы Данте, следя за символикой чисел, широко им применяемой, нашли, что это количество распределено по отдельным частям поэмы с явной последовательностью. Именно слово *paura* во всей «Комедии» встречается 30 раз, т. е. трижды десять, из них в «Аде» 18 раз, т. е. трижды шесть, в «Чистилище» девять раз, т. е. трижды три, в «Рае» 3 раза, т. е. трижды один. Это дает убывающую арифметическую прогрессию 6:3:1; помножая каждый ее член на три, получаем 18:9:3 (см. С. Scartazzini. *Enciclopedia Dantesca*. Milano, 1899). Известно, какое значение имеет число три в архитектонике «Комедии»: в поэме три части, соответствующие трем загробным царствам (Ад, Чистилище, Рай); в каждом царстве девять, т. е. трижды три отделения, именно: в Аду — девять (3×3) кругов, в Чистилище — преддверие, семь ступеней горы и земной Эдем (1+7+1=9), в Раю — семь планетных сфер, небо неподвижных звезд и *primum mobile* (7+1+1=9); в каждой части тридцать три песни (3×10+3=33), не считая вступительной, с которой всего получается 100 песен (33×3+1=100); у путешественника по загробью три вождя (Вергилий, Беатриче, св. Бернард); вначале его гонят три зверя (волчица, пантера, лев); в Дите три фурии; у Люцифера три лица; в Раю встречаются три святые жены и т. д.; наконец, каждая строфа поэмы состоит из грех стихов (терцины).

путешественник едва не упал и спасся лишь тем, что ухватился за утес (Inf. XXVI, 44–45).

Данте отмечает еще, что путешественнику приходится не только преодолевать естественный страх пред всеми предстающими ему ужасами, но и просто бороться с трудностями самой дороги. Приходится карабкаться на крутые скалы, пробираться по узким тропкам над самыми стремнинами, дышать тлетворным воздухом. «У меня захватило дыхание», — рассказывает путешественник об одном из переходов, — «меня одолевала усталость», «я не мог более идти», «я должен был сесть» (Inf. XXIV, 36, 43–45, alq). В другом месте (Inf. XXXIV, 8) путешественник принужден прятаться за своего вождя, чтобы защититься от пронизывающего, ледяного ветра, и т. д. «Нам не приходилось думать об отдыхе», — говорит путешественник, рассказывая о конце странствий по Аду (Inf. XXXIV, 135).

Все это — только один элемент в характеристике героя поэмы. Благодаря этим чертам он представляется нам живым человеком, который подвержен обычным человеческим слабостям, и все фантастическое путешествие кажется правдоподобным и реальным. С изумительным мастерством Данте смешал чудесное и естественное. Изображая мир, доступный лишь воображению, он не заставил своего героя изумляться на каждую деталь, не похожую на земную реальность: этим он лишил бы свой вымысел правдоподобия, на каждом шагу мы сталкивались бы с невозможным. В то же время автор не позволил герою принимать все фантастическое как нечто естественное: этим он уничтожил бы реализм рассказа. Осторожной гранью Данте разделил эти два начала, и именно потому, что его путешественник по загробью порой удивляется, порой не верит своим глазам, порой приходит в ужас, — именно потому все, в целом, производит впечатление чего-то возможного. Во всем строении Дантова загробного мира, в его природе, в его жизни есть какая-то, конечно, «своя», естественность. Это не мир произвольных причуд или диких нелепостей (как, напр., путешествие на Луну лже-Мюнхгаузена³), это — мир, подчиненный своим «законам природы». Если принять эти законы, то все в этом мире оказывается закономерным, логично из них вытекающим. И живой человек в нем должен был чувствовать себя именно так, как герой «Комедии».

По поэме рассеяны другие черты, характеризующие ее героя, дающие нам всю его психологию, его облик нравственный, ум-

ственный и т. д. Если соединить такие черты, перед нами во весь рост встанет фигура человека, который с Данте Алигьери имеет общего почти только имя. Конечно, автор не везде смог вполне отделить себя от своего героя; местами из-за лица странствователя по загробью проступает лицо поэта. Но таких совпадающих черт меньше, чем различных, и, во всяком случае, сам Данте только формально называет таким странствователем себя, а как художник, напротив, постоянно подчеркивает характеристику героя вымышленного, существовавшего лишь в воображении. Эта особенность «Комедии» меньше всего обращала на себя внимание исследователей, историков и критиков, а она может объяснить многое и многое в творчестве, привлекающем внимание вот уже 7-е столетие.

